

К 190-летию стихотворения «Я помню чудное мгновенье»

Елена Семенова
Обозреватель приложения НГ-Exlibris

Наверное, не сыщешь в России человека, который не знал хотя бы первую строчку этого пушкинского шедевра (другое название – «К***»), написанного со всей присущей романтическим канонам лексикой и символикой, но в то же время такого простого, глубокого, искреннего и цельного – то есть как бы в миниатюре передающего кусок жизни «нашего всего».

«В томленьи грусти безнадежной...».
Валентин Серов.
А.С. Пушкин на садовой скамье. 1899.
Всероссийский музей А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург

Ну, если вдруг не знают и первой строчки (а как это ни грустно, я этот вариант допускаю), то знают хотя бы не просто словосочетание, а уже целый метасимвол русской литературы – «гений чистой красоты», сравнимый по популярности и склоняемости разве что со «слезинкой ребенка» Федора Михайловича или «маленьким человеком» Николая Васильевича. Кстати, стоит напомнить, что емкая поэтическая конструкция была взята Пушкиным из романтической повести «Лалла-Рук» англо-ирландского поэта Томаса Мура, которую Василий Жуковский перевел уже с французского переложения Амедея Пишо. Вот так. По сути, выражение, прошедшее сквозь два перевода, стало скорее всего импульсом и точно рефреном. Хочется воскликнуть: «Неисповедимы пути...» и «Когда б вы знали, из какого сора...». Особенно прочитав высказывание поэта в письме князю Вяземскому: «Жуковский меня бесит – что ему понравилось в этом Муре? чопорном подражателе безобразному восточному воображению? Вся «Лалла-рук» не стоит десяти строчек «Тристрама Шанди».

Юбилей стихотворения (кстати, дивно звучит, переключаясь с северянинским «В мотивах Грига – бессмертье мига») – отличный повод поразмыслить, на каком перекрестье реминисценций, биографических коллизий создается шедевр, как подходит мощная опара слухов, домыслов, теорий и версий, вот уже почти два века сопутствующих этому, на первый взгляд простому

стихотворению. Стихотворению, где, прости Господи, рифмуются «ты – мечты – черты – красоты», «упоенье – виденье» и «вновь – любовь», вместо изощренного виртуозного «маяковского» «По морям, играя, носится с миноносцем миноносица. Льнет, как будто к меду осочка, к миноносцу миноносочка».

Чуть меньшее, но все же достаточное количество публики в курсе, что в названии «К***» зашифровано имя возлюбленной Александра Сергеевича – Анны Петровны Керн (1800–1879), которой и было вручено это послание во время их второй встречи и более «подробного» знакомства, когда Пушкин навещал ее в поместье ее тетушки Прасковьи Александровны Осиповой-Вульф. Пожалуй, стоит напомнить, как это было. И лучше из уст самой героини. Как пишет Анна Керн в «Воспоминаниях о Пушкине»: «На другой день я должна была уехать в Ригу вместе с сестрою Анной Николаевной Вульф. Он пришел утром и на прощанье принес мне экземпляр 2-й главы «Онегина», в неразрезанных листках, между которых я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами: «Я помню чудное мгновенье, и проч. и проч». Когда я собиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилу выпросила я их опять; что у него промелькнуло тогда в голове, не знаю. Стихи эти я сообщила тогда барону Дельвигу, который их поместил в своих Северных цветах. Михаил Иванович Глинка сделал на них прекрасную музыку и оставил их у себя».

Пушкин и Анна Керн. Надя Рушева.
*Рисунок из альбома
«Графика Нади Рушевой». 1976*

Вообще, отношения Пушкина и Керн интересны и противоречивы. Без сомнения – и письма Пушкина тому доказательство – поэт был влюблен – в этом он многожды признается: «Я снова берусь за перо, чтобы сказать вам, что я у ваших ног, что я вас люблю, что иногда я вас ненавижу, что третьего дня я рассказывал о вас ужасы, что я целую ваши прелестные ручки,

что я целую их еще раз в ожидании лучшего, что я более не в силах, что вы божественная...» Однако наряду с этим Пушкин периодически позволяет себе не только иронию, а откровенную издевку: «Вы уверяете, что я не знаю вашего характера. А какое мне до него дело? очень он мне нужен – разве у хорошеньких женщин должен быть характер? главное – это глаза, зубы, ручки и ножки (я прибавил бы еще – сердце, но ваша кухня очень уж затаскала это слово)». Не говоря уже о том, что в письме к Соболевскому он назвал Керн «вавилонской блудницей». Местами кажется, что Пушкин играет с ней, как бантиком с кошкой. То уговаривает бросить старого мужа, генерала, героя Отечественной войны 1812 года Ермолая Федоровича Керна, тут же описывая всю нелицеприятность такого положения, то начинает убеждать быть благопристойной супругой. Заливается: «Я буду весел в понедельник, экзальтирован во вторник, нежен в среду, проворен и ловок в четверг, пятницу, субботу и воскресенье – я буду всем, чем вы прикажете, и целую неделю у ваших ног», а когда в 1826 году Анна Петровна оставила мужа и приехала в Петербург, Пушкин ее не заметил – у него уже было другое увлечение.

Так что если речь и шла о настоящей любви, то только в контексте импульсивной и страстной природы поэта, у которого настроение, по свидетельству той же Керн, менялось каждую минуту. «Мгновенье», «мигомлетное виденье» – эти слова о многом говорят. Литературовед Юрий Лотман подчеркивает искренность чувства поэта, которое «когда его надо было выразить на бумаге, характерно трансформировалось в соответствии с условными формулами любовно-поэтического ритуала. Будучи выражено в стихах, оно подчинилось законам романтической лирики и превратило А.П. Керн в «гений чистой красоты». Это верно. По опыту могу сказать, что даже адресованное конкретному человеку поэтическое послание никогда не рисует в точности его образ. Даже если, как в данном случае, наличествует конкретная биографическая канва – первая встреча Пушкина с Керн в 1819 году в Петербурге в доме Олениной, перерыв и новая встреча в Тригорском – все равно в образ «привплетаются» другие тени, призраки. Поэт Михаил Дудин вместо Керн «выдвинул» другую музу – крепостную девушку Ольгу Калашникову. Поэт Вадим Николаев в статье «Кому было посвящено «Чудное мгновенье»?» заговорил о том, что поэт, писавший в это время «Онегина», обращался в нем к своей героине – Татьяне Лариной.

Что самое забавное – во всем есть доля истины. При бурном темпераменте «солнца русской поэзии» никто не сможет поручиться, что, создавая «Я помню чудное мгновенье», Пушкин не думал сразу о нескольких женщинах, будь то сознательно или подсознательно. Кстати, вот кусочек из письма Пушкина к Керн, который косвенно подтверждает версию Вадима Николаева о Лариной: «Теперь, в глуши моей печальной деревни, мне ничего не остается лучше, как перестать думать о вас. Если бы в душе вашей была хоть

капля жалости». По-моему, этот пассаж крайне напоминает «Письмо Татьяны к Онегину». И никто не сможет отрицать, что в момент написания этих строк крепостная девушка не поднесла поэту кваску или чего покрепче. А уж насколько откровенным было общение с «домашней» дивой, пожалуй, отношения к делу не имеет. Почему? Потому что, вдохновившись букетом разнообразных муз, Александр Сергеевич в своем стихотворении живописал не конкретную женщину. И даже не идеал, хотя в итоге словосочетание «гений чистой красоты» стало синонимом идеала. А писал он свое состояние, свое лирическое настроение, прихотливую смену света и теней в своей судьбе, в которой, как прелестный призрак, мелькал этот «гений». И, по сути, рискуя нарваться на негодование литературоведов, хочется сказать, что стихотворение, разменявшее 19 десятков лет, – не об идеале женской красоты. Оно – об отражении в нем, как в легком хрустальном бокале, импульсивного естества, переменчивой, как ветер, природы поэта.